

Когда они сошли с самолета, их встретил руководитель филиала по рынку Северного Китая.

Помощник из компании «Цзяньсинь» уже было потянулся за багажом заместителя директора Яна, но тот, заметив, как Шэнь Цзуннянь в одиночку тащит два огромных чемодана — свой и Тань Юмина, — а Чжун Маньцин и Ян Шиянь несут только свои вещи, молча забрал свой чемодан у помощника.

Они остановились в отеле, где должны были проходить переговоры. Шэнь Цзуннянь и Тань Юмин заняли один люкс, остальные расселились по отдельным номерам.

Как и предполагал Тань Юмин, переговоры о продлении контракта шли со скрипом. Семья Фелипе прислала элитную команду переговорщиков: юристы, финансисты и спикеры — сплошь новые лица.

Тань Юмин и Шэнь Цзуннянь переглянулись: они оба понимали, что предстоит тяжелая битва.

Из-за профицита торгового баланса в последние годы и недавних корректировок таможенных пошлин, международная обстановка и ситуация на рынке внешней торговли сильно изменились по сравнению с тем временем, когда они подписывали первый контракт. Обе стороны яростно отстаивали свои интересы по каждому пункту договора.

После четырех дней напряженных дискуссий предварительное соглашение так и не было достигнуто. Заметив усталость и уныние, повисшие в воздухе, Тань Юмин хлопнул в ладоши:

— Все отлично поработали. Вечером господин Шэнь угощает всех ужином в ресторане «Юйванфу». Поешьте как следует, отдохните и расслабьтесь.

Он также шепнул Ян Шиянь, чтобы та не смотрела на цены в меню, а все расходы, превышающие корпоративный лимит, покрывала с его личного счета.

Чтобы не смущать подчиненных, вечером Шэнь Цзуннянь и Тань Юмин не пошли в ресторан. Они заказали утку по-пекински прямо в номер, добавив к ней небольшие порции каши миенча и лепешек танхошао. Быстро перекусив, они продолжили работу в одном номере, разделив рабочий стол пополам.

Тань Юмин просматривал протоколы сегодняшних заседаний, изучая цены FOB и способы конечной доставки, предложенные противной стороной. В этот момент Ян Шиянь прислала ему список гонконгских бизнесменов, с которыми представители Фелипе контактировали параллельно. В раздражении он достал сигарету и зажал ее в зубах, но не стал прикуривать.

Было неясно, действительно ли они ведут переговоры сразу по нескольким фронтам, или же просто пускают пыль в глаза, чтобы оказать давление на «Цзяньсинь».

От чтения десятков страниц с расценками у него заболели глаза. С головной болью Тань Юмин откинулся на спинку антикварного кресла, закинул обе ноги на колени Шэнь Цзунняню и, полуживой, закрыл глаза, массируя виски.

Шэнь Цзуннянь, который в этот момент проводил дистанционное совещание, выключил микрофон и камеру, снял один наушник и взял зажигалку. Раздался щелчок, вспыхнуло пламя.

— Только половину, — разрешил он.

Тань Юмин медленно открыл глаза, сел и, не выпуская сигарету изо рта, подался вперед, чтобы прикурить от его руки. Зажегся оранжево-красный огонек. Люстра в представительском люксе светила мягким теплым светом. За панорамными окнами высотки раскинулась ночная гладь.

Нахмурившись, Тань Юмин рассеянно выдохнул облачко дыма. Сквозь расплывающиеся кольца он смотрел на серьезное, сосредоточенное лицо молодого мужчины.

Шэнь Цзуннянь отвел взгляд, со щелчком закрыл зажигалку и бросил ее в сторону. Покусывая сигарету, Тань Юмин выругался на бывшего сокурсника:

— Фелипе стал хитрее.

Шэнь Цзуннянь, обладая талантом делать два дела одновременно, свернул окно видеоконференции в угол, вывел на экран статистику инвестиций семьи Фелипе на разных континентах за последние годы и развернул ноутбук к Тань Юмину:

— Королевская семья из года в год сокращает бюджет. Если он не закроет эту сделку, по возвращении ему не поздоровится.

— Я знаю, — Тань Юмин всё прекрасно понимал. Из-за повышения пошлин в назначенных портах разгрузки скоро начнется осенний ажиотаж. Место у причала будет не достать. Обе стороны столкнулись с общей проблемой.

Шэнь Цзуннянь как раз собирался открыть только что полученный файл с компроматом — информацией о нескольких серых схемах, которые семья Фелипе проворачивала в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Эти махинации могли быть как незначительными, так и весьма серьезными. Но стоит выложить их на стол переговоров, как они тут же перехватят инициативу.

Имея такой рычаг давления, если Фелипе откажется иметь дело с ними, ему будет очень сложно найти других партнеров.

Но Тань Юмин заговорил первым:

— Я позвоню Чжан Чуншэну.

Пальцы Шэнь Цзунняня, зависшие над файлом, замерли:

— Хочешь помочь им организовать графики швартовки и разгрузки?

Чжан Чуншэн был ветераном в управлении портами и таможней Хайши.

— Я посмотрел расписание причалов на второе полугодие. Маршруты через пролив Цзиси действительно перегружены. Даже четыре страховые компании отказались от участия. Очевидно, что трудности реальны, и они не врут и не блефуют по этому поводу. Значит, они всё же искренне хотят сотрудничать. К тому же... — Тань Юмин, держа сигарету в одной руке, другой листал список контактов, — ...я не «помогаю» им. Если мы сможем навести мосты между обеими сторонами, это станет нашим козырем и преимуществом.

Шэнь Цзуннянь не особо удивился. То, что так много людей стремились вести дела с Тань Юмином, имело под собой веские основания.

Семья Тань, будучи потомственными конфуцианскими торговцами, из поколения в поколение передавала принципы «взаимной выгоды» и «помощи миру». Этому же подходу к жизни Тань Чуншань учил их с самого детства.

Шэнь Цзуннянь же в первый день заминки на переговорах приказал своим людям начать сбор информации о провалах и уязвимостях в проектах Фелипе за последние пять лет.

В бизнесе не бывает идеальных историй. Любая оплошность, малейшая слабость — и Шэнь Цзуннянь вцеплялся в нее мертвой хваткой, перехватывая инициативу. Таков был его образ мыслей и стиль работы.

Даже если Фелипе был его бывшим однокурсником, с которым они были в неплохих отношениях, и потенциальным партнером по другим проектам.

Два разных подхода. Нет правильного или неправильного, нет высокого или низкого — просто разные точки зрения. Главное — достичь цели, а средства не имеют значения.

Шэнь Цзуннянь хладнокровно заметил:

— Транспортные маршруты, особенно в пиковый сезон, связаны с огромным количеством инстанций. Ради этой одной сделки... оно того стоит?

Иногда идеальное время, ограниченные ресурсы и связи ценятся куда больше денег, и добыть их гораздо сложнее.

Никакой помощник или топ-менеджер не смог бы заменить Тань Юмина в решении этого вопроса. Ему пришлось бы лично вмешиваться и влезать в долги.

А в их мире ни одна услуга не оказывается просто так. Это всегда равноценный обмен. Одолжение, сделанное здесь, придется отрабатывать в другом месте.

Тань Юмин стряхнул пепел и поднял глаза:

— Разве не ты говорил, что в игре с ненулевой суммой нельзя смотреть только на краткосрочную выгоду, а нужно стремиться к максимизации потенциальных возможностей?

Шэнь Цзуннянь на мгновение замер:

— Что?

— Это в точности та же ситуация, что и с разрывом цепочки поставок у Калеба в том году, — Тань Юмин понял, в чем дело, нахмурился и с некоторым недовольством спросил: — Шэнь Цзуннянь, ты забыл?

Калев был первым противником Тань Юмина на глобальном бизнес-симуляторе SEA во время его учебы в университете. Шэнь Цзуннянь, как чемпион прошлого года, выступал его наставником и консультантом. И это был первый урок, который он преподавал Тань Юмину.

В игре с ненулевой суммой загнать противника в угол — не лучший выбор. Использование потенциальных возможностей может принести отдачу по формуле $1+1>2$.

Тань Юмин с детства был бунтарем. Слова Гуань Кэчжи он слушал лишь наполовину, к словам деда Тань прислушивался выборочно, а советы Тань Чуншаня часто пропускал мимо ушей. Но каждое слово Шэнь Цзунняня он впитывал как губка.

Даже сейчас, спустя столько лет, когда он уже давно стал самостоятельной фигурой, эти уроки и наставления оставались глубоко укорененными в его теле и сознании, словно прожилки на листьях.

Четырнадцать матчей, единственное азиатское лицо на турнире, двести шестьдесят восемь дней и ночей подготовки и четыре кубка с их выгравированными именами — это была самая яркая и значимая страница в юности Тань Юмина.

А вот сам Шэнь Цзуннянь, пройдя через куда более жестокие бури и испытания человеческой природы, давно отказался от всех мягких и добрых методов взаимодействия с миром.

Он стал сильнее, избавился от слабых мест, но в то же время сделался более хладнокровным, агрессивным и расчетливым, ориентированным исключительно на абсолютную выгоду.

Теперь ни друзья, ни родные не могли разглядеть в нем того прежнего человека. Разве что в самом Тань Юмине иногда проскальзывали отголоски того, каким Шэнь Цзуннянь был раньше. Шэнь Цзуннянь изменился, но след, оставленный им в Тань Юмине, никуда не исчез.

— «Когда эта 'единица' находится в пределах контроля, риск оправдан».

Тань Юмин был словно дневник, досконально хранящий каждую деталь их общего прошлого. Каждый поступок, каждое слово Шэнь Цзунняня были записаны черным по белому — их нельзя было ни стереть, ни забыть.

Шэнь Цзуннянь не то чтобы забыл — он просто больше не был с этим полностью согласен.

Развилка появилась не только на закрытой Берлинской дороге.

Два человека, выросшие вместе, были зеркалами друг друга. Доброта оттеняла холодность, благородство подчеркивало эгоизм. Тань Юмин бесконечно отражал те изменения, которые произошли с Шэнь Цзуннянем за эти годы.

Снаружи и внутри — это были два совершенно разных человека.

Молчание затянулось, и Тань Юмин начал злиться:

— Ты правда не помнишь?

Сигарета уже истлела наполовину. Шэнь Цзуннянь не стал отвечать на его вопрос. Он просто выхватил окурок у него изо рта и затушил его в пепельнице:

— Звони.

Тань Юмин пнул его.

Шэнь Цзуннянь дал добро на «приманку» Тань Юмина, но не собирался отказываться от любых возможностей «давления». Надев наушник, он продолжил слушать отчет подчиненного о серых схемах семьи Фелипе.

Организовать места у причала в пиковый сезон было невероятно сложно. И дело было не только в Чжан Чуншэне — в процесс были вовлечены товарная инспекция, страховые компании и таможня.

Тань Юмин так наговорился, что у него пересохло в горле. Он, наверное, даже не заметил, сколько звонков сделал за этот вечер. Зато Шэнь Цзуннянь точно знал — двадцать один.

Если Тань Юмин брался за дело, он обязательно доводил его до конца.

Луна поднялась в зенит, а затем постепенно скрылась за облаками. В эту столичную ночь Шэнь Цзуннянь наконец осознал, что все его прошлые страхи и тревоги были напрасными. Тань Юмин уже давно мог справиться со всем сам, и в будущем стоило бы ему больше доверять.

Сторона Фелипе не ожидала, что «Цзяньсинь» по своей инициативе выступит посредником. Приятно удивленные, они попросили дать им два дня на переговоры с администрацией порта.

Шэнь Цзуннянь и Тань Юмин не теряли бдительности, постоянно готовя план «Б». К счастью, после нескольких раундов напряженных баталий и взаимных уступок, на восьмой день их пребывания в Пекине наконец удалось достичь предварительного согласия по основным пунктам.

С появлением компромиссной базы открылось пространство для обсуждения деталей. Напряженные нервы обеих сторон немного расслабились, и они решили поужинать вместе.

Ужин в стиле фьюжн проходил в отеле с видом на Запретный город. Ян Шиянь заранее забронировала всего два столика.

Фелипе настоял на том, чтобы оплатить счет. В этом проекте на него сильно давила семья. Учитывая изменение тарифов, то, что Тань Юмин согласился выступить посредником, было не его обязанностью, а дружеским одолжением, за которое Фелипе был искренне благодарен.

Даже его «дьявольская команда» была очарована Тань Юмином. Следуя местным обычаям, иностранцы поднимали тосты, и за формальной вежливостью в их улыбках сквозила неподдельная искренность.

Перед переговорами они тщательно изучили противника. Один международный финансовый еженедельник писал, что Тань Юмину присущи рыцарство и благородство, свойственные лишь восточным предпринимателям.

Помимо деловых разговоров, они предались воспоминаниям. Тань Юмин привез Фелипе вино, которое тому очень понравилось на прошлогоднем приеме в Хайши:

— Эти две бутылки я выпросил у Чэнь Ваня. Сам знаешь, у него не бывает плохих вещей.

Глаза Фелипе загорелись, и он согласился:

— Конечно!

Тань Юмин похлопал его по плечу:

— Я всё продумал: если бы мы не договорились, я бы увез это вино обратно и выпил сам.

Фелипе расхохотался. Он долго разглядывал бутылки, попросил передать Чэнь Ваню благодарность, а затем добавил, что Тань Юмин не зря был самым популярным парнем в их студенческом клубе.

На следующий день предстояли важные переговоры, поэтому никто не злоупотреблял алкоголем. К VIP-залу примыкал небольшой сад с полем для мини-гольфа, и Тань Юмин с главным переговорщиком Фелипе первыми взялись за клюшки.

Когда сделка по внешней торговле была закрыта, Фелипе между делом заговорил с Шэнь Цзуннянем о Североевропейском энергетическом соглашении и снова предложил ему занять пост постоянного директора по стратегии.

Однако Шэнь Цзуннянь заявил, что на этих переговорах они сосредоточены исключительно на проекте «Цзяньсинь», и подчеркнул, что даже если он рассмотрит это предложение, в «Хуаньту» существует строгая и прозрачная система отбора на подобные должности.

Скрытый смысл был ясен: партнерам не стоит оказывать давление и вмешиваться.

Шэнь Цзуннянь был слишком властным. Как бы Фелипе ни стремился к этому, он ничего не мог с ним поделать.

Работа была успешно завершена, и боссы дали своим подчиненным три выходных дня.

Шэнь Цзуннянь выбрал для Тань Юмина новый отель. Это был не классический сыхэюань с одним двором, а большой комплекс из трех соединенных дворов, расположенный в самом конце хутуна Хунье. Тихое место с красными стенами, серой черепицей и цветущими яблонями.

Неподалеку протекала городская река-ров, и плакучие яблони отражались в воде, словно снегопад из нежно-розовых лепестков.

Тань Юмин был настолько очарован этой красотой, что не хотел уходить даже после одиннадцати вечера. Шэнь Цзуннянь гнал его спать, но тот упрямо твердил, что цветы яблони еще не уснули и цветут в полную силу.

— Ну и сиди тут с ними. Я пошел.

— Эй!

Неизвестно, уснули ли в ту ночь яблони, но вот Тань Юмин, так рвавшийся посмотреть на церемонию поднятия флага, утром встать не смог.

Шэнь Цзуннянь не стал заказывать завтрак в отеле, а сам вышел купить еды по рекомендациям Чжун Маньцин.

Когда Тань Юмин наконец проснулся и вдоволь насмотрелся на белую птицу за окном, он наспех умылся и собрался идти его искать.

Едва он открыл дверь, как путь ему преградила высокая фигура. Широкие плечи, длинные ноги.

Тань Юмин поднял голову:

— Брат, ты не мог бы предупреждать, когда уходишь?

— А ты бы услышал? — от Шэнь Цзунняня так и веяло уличным холодом. Он перешагнул порог и вошел во двор. — Накинь что-нибудь и выходи завтракать.

Только сейчас Тань Юмин понял, как на улице холодно. Ему было лень возвращаться в номер, поэтому он просто завернулся в пальто, которое Шэнь Цзуннянь только что снял. Оно еще хранило тепло его тела — в самый раз.

Шэнь Цзуннянь расставил на столе еду: тофунао, жареные лепешки в сахаре и кашу миенча. Тань Юмин ел и комментировал:

— На вкус немного не так, как в детстве.

Но всё равно очень вкусно.

Шэнь Цзуннянь был не в восторге от северной кухни, но в итоге доел всё, что оставил Тань Юмин.

Тань Юмину было лень переодеваться, поэтому Шэнь Цзунняню пришлось вернуться в номер за другой курткой. Он принес Тань Юмину шарф и вязаную шапку, а затем протянул ему бальзам для губ:

— Намажь.

Он купил его в первый же вечер их приезда. Кто бы мог подумать, что весной на севере так сухо. Губы Тань Юмина начали шелушиться вскоре после приземления.

Тань Юмин небрежно провел бальзамом по губам, и сухость мгновенно исчезла. Он вернул тюбик Шэнь Цзунняню, и тот небрежно сунул его в карман.

Ранняя весна — идеальное время для прогулок. Цветущие абрикосы и груши, зеленые ивы и нефритовые деревья. У старой столицы был свой, неповторимый размах, какого не сыщешь на острове.

Отведав горохового пюре ваньдоухуан и жареного рубца баоду, Шэнь Цзуннянь зашел в фотостудию на углу хутуна и забрал арендованный Hasselblad. И дед Тань, и Гао Шухун питали особую слабость к столице. Приехать сюда и не сделать пару кадров на фоне площади Тяньаньмынь и Дома народных собраний было бы просто непростительно.

Сначала они прогулялись по проспекту Чанъань, а затем отправились в Летний дворец — Ихэюань. Там пожилые мужчины и пионеры с красными галстуками запускали волчки. Тань Юмин долго за ними наблюдал, пока Шэнь Цзуннянь не сходил в сувенирную лавку и не купил ему такой же.

Пионер долго пытался его научить, но безуспешно. Тань Юмин начал злиться. Они вдвоем щебетали громче иволг на дворцовых ивах. Тань Юмин обернулся в поисках Шэнь Цзунняня. Тот стоял на берегу, прямой и высокий, и в его холодных, темных глазах читалась едва заметная улыбка.

Тань Юмин так и не смог освоить волчок. Школьник развел руками и сказал, что ему пора домой делать уроки:

— Это же самый простой волчок из персикового дерева.

— Эй, — возмутился, но рассмеялся Тань Юмин. — Ну и что с тобой делать? Дарю!

Лицо школьника тут же просияло:

— Спасибо, старший брат!

Тань Юмин забрал у Шэнь Цзунняня камеру и полистал снимки:

— Твою ж мать, сколько кадров!

Он даже его с бутылкой воды сфотографировал!

— Не так уж и много, — Шэнь Цзуннянь забрал камеру обратно.

В парке было полно туристов, все толкались. Тань Юмин ухватился за локоть Шэнь Цзунняня. Они прошли от зала Лэшоутан до моста Семнадцати арок, когда Тань Юмин вдруг произнес:

— Мы так давно не выбирались куда-нибудь вместе, правда?

В детстве они жили в постоянном страхе, в центре водоворота событий, а потом у них просто не было времени.

— Надо каждый год куда-нибудь ездить.

Шэнь Цзуннянь поднял глаза на весеннее солнце, палящее над столицей в три часа дня. Камера в его руках нагрелась. Он ничего не ответил.

<http://bllate.org/book/17117/1607496>